

В. И. Пефтиев
Л. А. Титова

УДК Д01
<https://orcid.org/0000-0001-6357-7651>
<https://orcid.org/0000-0001-6209-8267>

Промышленность в регионах России в среднесрочной перспективе

Для цитирования: Пефтиев В. И., Титова Л. А. Промышленность в регионах России в среднесрочной перспективе // Социально-политические исследования. 2020. № 1 (6). С. 59–73. DOI 10.20323/2658-428X-2020-1-6-59-73

В статье исследуются модификации роли и значения промышленности в регионах в Стратегии России на среднесрочную перспективу (до 2024 года). Промышленность перестала быть монополистом в целевых установках, то есть возникает неведомая ранее проблема выбора источников экономического роста и повышения благосостояния. Власти и бизнес ищут комбинации объектов инфраструктуры и промышленности, вложений в человеческий капитал и экономический рост, сочетание экспортной ориентации и выхода на внутренние рынки. Множество факторов влияют на экономический рост, в силу чего допускаются ошибки в экспертных оценках его динамики. Начинается применение дополнительных индикаторов, таких как, объемы перевозки грузов и пассажиров, потребление электроэнергии и теплоэнергии, индекс деловой активности и др. Отмечается большая дифференциация регионов по вкладу в прирост ВВП страны. Наиболее эффективными инструментами региональной промышленной политики являются создание конгломераций, кластеров и территорий опережающего развития. Российские регионы разделяются на регионы с активной промышленной политикой (20 субъектов), нефокусируемой промышленной политикой (20 субъектов), рискованной промышленной политикой (7 субъектов), отсутствием промышленной политики (34 субъекта, включая Ярославскую область). В этих условиях каждая дилемма нуждается в конструктивном сопровождении и выверенных решениях. По важнейшим компонентам Стратегии учтен региональный опыт.

Ключевые слова: промышленная политика, прорывные технологии, экономический рост, внешнеэкономические связи, пространственное обустройство.

V. I. Peftiev, L. A. Titova

Industry in Russia's regions in the medium term

The article examines modifications of the role and significance of industry in the regions in the Russian Strategy for the medium term (until 2024). Industry has ceased to be a monopolist in target settings, i.e. there is a previously unknown problem of

choosing sources of economic growth and increasing welfare. Authorities and businesses are looking for a combination of infrastructure and industry, investments in human capital and economic growth, a combination of export orientation and access to domestic markets. Many factors affect economic growth, which is why mistakes are made in expert estimates of its dynamics. Additional indicators are being applied, such as the volume of cargo and passenger transportation, electricity and heat consumption, business activity index, etc. There is a large differentiation of regions in terms of their contribution to the country's GDP growth. The most effective tools of regional industrial policy are the creation of conglomerations, clusters and territories of advanced development. Russian regions are divided into regions with active industrial policy (20 subjects), unfocused industrial policy (20 subjects), risky industrial policy (7 subjects), and no industrial policy (34 subjects, including the Yaroslavl region). In these conditions, each dilemma needs constructive support and verified solutions. Regional experience is taken into account for the most important components of the Strategy.

Keywords: industrial policy, breakthrough technologies, economic growth, foreign economic relations, spatial arrangement.

Введение

Старт национальных проектов оказался достаточно вялым по большинству макроэкономических индикаторов (ВВП, показатели промышленности, инвестиции, личные располагаемые доходы населения). Несогласные настаивают на изменении мандата Банка России: два таргета (целевые ориентиры) – инфляция и ВВП. Проявили определенное беспокойство и либералы в правительстве (А. Кудрин, Э. Набиуллина), лишь министр экономического развития (МЭР) М. Орешкин невозмутим с надеждой на выравнивание ситуации до конца 2019 года. Министр финансов О. Силуянов предлагает открыть общественную дискуссию относительно того, сколько средств Фонда национального благосостояния потратить и на какие цели. До Указа от 7 мая 2018 года президент В. В. Путин сохранял определен-

ную дистанцию от дискуссий концептуального характера. Текущий и последующие годы – время *сложных* решений на фоне коллизий приоритетов. Об этом позже.

Своеобразие нынешних дискуссий в правительстве и российском обществе можно обозначить как парадокс четырех приоритетов (4П). Первая дилемма выглядит как соотношение *технологий* и *промышленности*. Второй блок разногласий касается взаимодействия *инфраструктуры* и промышленности. Третья группа конфликта интересов вызвана спором: что лучше для экономического роста и в дальнейшем для улучшения благосостояния граждан – *экспортная ориентация* и/или насыщение внутреннего рынка. И последняя головоломка: *промышленность в регионах*, то есть как устранить разрыв между лидерами и аутсайдерами промышленного развития. В соответствии с этими ориентирами определен ал-

горитм изложения и исследования промышленной политики России. Предварительная авторская позиция (до основного содержания статьи) излагается в кратких комментариях.

Меняющиеся акценты в приоритетах России органично вписываются в контуры тенденции развития мировой экономики. Одной из таковых является *ревани* ресурсов и технологий в стратегии факторов ускорения, потеснивший прежний рейтинг *институтов*. После преодоления кризиса еврозоны (2017 год), по образному выражению С. А. Афонцева (ИМЭМО), «опустело последнее гнездо черных лебедей», то есть наметился поворот к ускорению [Афонцев, 2019, с. 36-37].

Технологии и промышленность

Словосочетание «Прорывные (высокие) технологии» не исчезают из лексикона политиков и экономистов, управленцев и бизнесменов, оппозиционеров и продвинутых граждан. У всех на слуху искусственный интеллект, блокчейн (Big Data), гаджеты G5 и др. Ажиотаж вокруг технологических новинок вольно или невольно искажает адекватное видение реальности – «свет» и «тени» авангардных технологий и ограничения на их применения в промышленности. Напомним некоторые из них. Технологический *лаг*, то есть разрыв во времени между зарождением технологии и ее воплощением в това-

рах и услугах. Неизбежны и технологические «паузы», и «угасание» некогда знаковых технологий: промышленные роботы и манипуляторы, нанотехнологии и композитные материалы и др., не забудем и о неуживчивом «сожигательстве» инноваций и модернизации. Перманентно присутствует в промышленности и феномен «созидательного разрушения» (*Й. Шумпетер*), то есть конкуренции старых и новых отраслей, производств. Промышленность вносит весомый вклад в экономический рост (ВВП, другие макроэкономические индикаторы) на базе технологий, *готовых* к применению и с *растущим* потенциалом.

Инфраструктура и промышленность

Национальные проекты (12) до 2024 года многовекторны. В триаду приоритетов наивысшей значимости и сложности (по объему финансирования) безусловно входит инфраструктура, главным образом *транспортная*: 6,3 трлн рублей из общего бюджета 25,7 трлн рублей. Этот выбор спорный (для оппонентов власти) и самый трудный в реализации (по объективным факторам и субъективным обстоятельствам). Объекты магистральной инфраструктуры решают уникальную задачу – *собрание* земель российских в Евразии, разорванных расстоянием и клочковатостью пространственного освоения. Преобразят Россию автострады Петербург –

Севастополь, Таврида, Крымский мост и мост через Амур, реконструкция БАМа и Транссиба, Северный морской путь (СМП) и др., но минусы этого стратегического выбора не скрыть от критиков. Во-первых, инфраструктура (производственная и социальная) лишь *опосредовано*, за редкими исключениями, способствует росту ВВП и промышленному подъему. Во-вторых, заслуживают особого внимания и другие сферы: а) промышленность и сопряженные с нею отраслевые комплексы; б) ОПК и армия; в) благосостояние населения (место в иерархии приоритетов – предмет жестких дискуссий). Иными словами, выбор состоит из 4 приоритетов (4П). Как быть? Головоломка для всех и каждого. В-третьих, транспортные стройки по определению дорогостоящие и требуют тщательного фильтра при отборе для проектирования и финансирования. Надеемся, что следующая шестилетка (до 2023 г.) откроет все шлюзы и для промышленных инвестиций максимально возможных масштабов.

Внутренний рынок и/или экспортная ориентация?

Проблема примирения этих двух стратегий самая динамичная и одновременно самая противоречивая. Зарубежные политологи обычно объясняют экономические успехи Китая рассудительной и своевременной сменой моделей (программ) реформ. Самая малоизвестная, но

эффективная реформа – это освобождение от административных пут сельских домохозяйств и общин (с 1978 г.) с целью насыщения страны продовольствием и сырьем. Десятилетиями постепенно Китай готовил вторжение на мировые рынки и на финише – первая индустриальная держава мира. Но времена меняются, и Китай перепрограммирует свою экономическую матрицу под запросы населения и отечественных фирм, сохраняя значимые экспортные позиции.

Многообразие ресурсов России благоприятствует приемлемой комбинации той и другой политики, ожидая появления, в конце концов, *градиалистской концепции* (встречного движения). Варианты гибридной комбинации могут быть разными для приморских и сухопутных регионов и территорий России. Конечно, нельзя исключать конфликты и трения властей и бизнеса по поводу конкретных проектов, программ, объектов. Нечто подобное наблюдаем по энергоносителям, зерновым, рыбе и морепродуктам, древесине и др. Новые конфигурации внешней торговли могут быть обусловлены геополитическими и геоэкономическими факторами. Конкретный пример – газовый рынок Европы. Взаимоотношения России и Европы в газовой сфере, по материалам исследовательской группы НИУ ВШЭ, перешли от стратегического партнерства к обычному коммерческому взаимодействию, отягощенному к

тому же политическими разногласиями и межтопливной конкуренцией (природный газ и СПГ). Для России нецелесообразно полностью отказываться от долгосрочных контактов, обеспечивающих гарантированные объемы поставок, целиком переходя на оптовую торговлю [Газовый рынок ... , с. 5, 7]. Последующие события подтвердят или опровергнут обоснованность перебазирувания поставок энергоносителей в АТР и – особо – Юго-Восточную Азию (ЮВА).

Промышленность в регионах России: куда направлять инвестиции?

Неоднозначность экономического пространства России – это вечное проклятие или наследие, которое можно последовательно выравнивать опережающими мерами? Ответы даются разные, не всегда реалистичные и справедливые. Здесь наш комментарий будет кратким. И даже знатоки высказываются с предельной осторожностью, надеясь на прагматизм инициатив. И лишь *Д. Астафьев* (НИУ ВШЭ) выдвигает концепцию пространственного развития России в противовес официальному развороту на Восток (охранная стратегия). Ему импонируют *диагональная логистика* с выделением *поясов реиндустриализации*. На обсуждение выдвигаются нижеследующие амбициозные проекты: 1) Тюмень – Якутия; 2) Самара – Оренбург; 3) Волгоград – Саратов – Иран;

4) Челябинск – Казахстан. К концу 2020-х годов поясами индустриализации могут стать Южный Урал и Нижняя Волга, Новороссийск или Мурманск, Прибайкалье (*Эксперт*, 15-21.04.2019). Ждем оживления дискуссий по актуальной теме.

Промышленная политика России: оценки и возможности

Научно-экспертное сообщество неоднозначно высказывается о новой стратегии России на среднесрочную перспективу. Доводы «за» и «против» старые (по инерции), обновленные с конструктивными вкраплениями. Послушаем ведущих представителей основных течений российской экономической мысли.

В. В. Миронов (НИУ ВШЭ) дополняет и уточняет аргументы о необходимости долгосрочных институциональных реформ. В предметное поле этих реформ необходимо включить независимые суды, честную конкуренцию, эффективные институты. Они (реформы) должны придать общественным институтам *инклюзивность* (комбинирование экономических и внеэкономических факторов), антикоррупционную направленность, обеспечить открытый и справедливый доступ к факторам производства и результатам экономического развития для всех групп населения. Диверсификация российской экономики требует сохранения и интенсификации *лидерских* функций государства по улучшению *инфра-*

структуры для снижения *транзакционных издержек* (ТАИ) индивидуальных фирм [Миронов, 2019, с. 33]. Промышленный рост в России ограничивают вялый спрос внутри страны и со стороны импортеров, высокие налоги и кредитные ставки и др. Часть этих ограничений можно снять загрузкой недоиспользованных мощностей и стимулированием экспорта (тренд наметился после 2010 г.) [Миронов, 2019, с. 17, 21]. Классический пример *асимметрии* либерального этатизма в рассуждениях российских лидеров. К этому добавим присущую либералам растерянность относительно того, какие экспортные подсектора и товарные группы могут быть драйверами экономического роста. Отмечается и высокая «смертность» компаний-экспортеров по сравнению с предприятиями, работающими на внутренний рынок [Миронов, 2019, с. 28].

Принципиальный оппонент постсоветской власти журнал «Экономист» предоставил незамедлительно свои страницы академику РАН В. Бетелину для изложения его позиции по Указу президента от 07.05.2018. Тезисы В. Бетелина расхожие [Фельдман, 2018], но с неожиданной поляризацией производства *вещей* (материальное производство в марксистской традиции) и экономикой *услуг* (из лексикона мейнстрима). Промышленность производит деньги для *акционеров*, а не предприятиям и их

трудовым коллективам. Главная беда российского образования состоит в подготовке потребителей и пользователей массовой промышленной продукции компаний – лидеров глобальных рынков, а вовсе не подготовки кадров для промышленности, науки и образования. Двенадцать национальных проектов обеспечат рост экономики услуг, но не экономики промышленного производства. Модель для России – государственная программа вооружений (ГПВ) и военно-промышленный комплекс (ВПК) [Бетелин, 2019, с. 3, 7, 9]. Мы оставляем без комментариев ностальгические нотки о реалиях советской эпохи (ведь она заслуживает уважения к былому). Академик одновременно прав и неправ (оценки – дело, компетенция будущих историков). Наши возражения по другому поводу – вещи и услуги состоят в органическом единстве и противостоянии; напомним о роли и значении *пред- и постпродажных услуг* по любым товарам потребительского и производственного назначения. Вспомним роль сервисных фирм в «сланцевой революции».

Ректор РАНХ и ГС В. А. Мау предлагает близкое к официозу видение предстоящих перемен в Стратегии социально-экономического развития России. Нас ждет *ускорение* после десятилетия экономического *торможения* (2008-2018 гг.), без повторения ошибок Перестройки. Намечается

поворот к стимулированию *предложения*, то есть реального сектора экономики. Будет доминировать *проектных подход* к инвестициям – приоритетные проекты с жесткой административной ответственностью за достижение конкретных результатов. Модераторами инвестиций избраны *финансово-промышленные группы (ФПГ) и корпорации с государственным участием*. Санкции Запада против России *всерьез и надолго*. Финансовые ресурсы России будут сконцентрированы на *страховании* рисков геополитических потрясений [Мау, 2019]. Эти векторы позволяют сделать вывод о новаторско-консервативной парадигме социально-экономического развития России до середины 20-х годов XXI века.

Академик *С. Глазьев* расширяет горизонты видения и размышляет о необходимости и возможности Большого евразийского партнерства и учреждения международного консорциума ТЕПР, сочленения

ЕАЭС и транснационального проекта «Один пояс – один путь». В программе Большого евразийского партнерства числятся транспортные коридоры через Россию, а также создание авиастроительного консорциума с максимальным использованием потенциала инженерных школ и фирм России [Глазьев, 2019, с. 15-17].

Макро итоги за трехлетку мало динамичны и разбалансированы (см. табл. 1). Соответственно, аналитики в замешательстве: то ли *восстановительный* рост находится в паузе, то ли *рецессия* скрытно приближается. Промышленность еще пока не гарантирует устойчивого роста ВВП, ровно, как и инвестиции в основной капитал. Ожидается замедление темпов экономического роста до 1,3 %. Наблюдается феномен блуждающих отрезков, которые не соединяются в геометрические фигуры с собственной логикой и скоростью движения.

Таблица 1.

Динамика экономического роста в России (%)

Год	ВВП	Промышленность	Инвестиции в основной капитал	Инфляция
2017	1,6	1,0	4,8 (4,4)	3,7
2018	2,3	2,0	4,3	2,1
2019 (итог первого полугодия)	0,7	2,8	3,1% (прогноз)	Август 4,1
1 кв.	0,5 (к/к)	2,1		
2 кв.	0,9 (г/г)	3,0		

Источник: Росстат

Экономический рост относится к непознанной загадке из-за множества факторов: от зримых, например, выручка от продажи товаров и оказания услуг, с одной стороны, и причуд потребительского поведения – с другой. Профессионалы рынка рискуют ошибиться в своих оценках и прогнозах, если будут замыкаться квартальными данными. Они (данные) по методике сбора – предварительные, с ошибками и пропусками. Экономический анализ взял на вооружение дополнительную группу индикаторов – *опережающих* публикацию месячных и квартальных данных. Из заветной «шестерки» наиболее распространенные нижеследующие: а) перевозки грузов и пассажиров всеми видами транспорта, б) потребление электроэнергии, тепла и пара, в) индекс деловой активности PMI [Богданов, 2018]. Использование опережающих параметров, чувствительных к колебаниям экономической конъюнктуры, подскажет политику и бизнесмену время и место принятия решений с минимумом ошибок, потерь и разочарований.

Разбегающийся в разные стороны полицентризм формирования ВВП в России вынуждает не довольствоваться общими оценками, а в массиве статистики отыскивать зоны подъема и спада с неустойчивой динамикой для коррекции экономической политики. Узок круг регионов, обеспечивающих максимальный вклад в прирост ВВП и

технологическое перевооружение промышленности. В каждом федеральном округе один–два ядра; диверсификация еще пока мало затронула отраслевую структуру промышленности, в том числе по Верхней Волге и Среднерусской равнине. Но «точки роста» промышленной модернизации множатся и в «депрессивных» регионах. К примеру, в Ивановской области за последние два-три года запущен льняной кластер с полным технологическим циклом, а также цифровая фабрика одежды (технология 3-д принтера) и выработка тканей для спецодежды. Новые технологии внедряются на средних по размеру предприятиях [14]. Подобные инициативы должны стать правилом, а не исключением.

Промышленность и внешнеэкономические связи

Десятилетиями структурные реформы обходили стороной связку промышленности и внешнеэкономических связей (ВЭС). Монопольное положение экспорта энергоносителей и сырья (нефть, газ, алюминий и др.) не вызывало, за редкими исключениями, особой тревоги властей и профессионалов. Атипичный кризис 2014-2016 гг. заставил срочно пересматривать стратегию и тактику в сфере промышленного экспорта неэнергетического (несырьевого) характера. Этот экспорт приобрел автономный статус национального приоритета – к 2024 году удвоить его объемы и оптимизи-

зировать его структуру. За сменой стратегии идут инструментальные новации из международного менеджмента, такие как матрица SWOT, CR3 (доля трех крупнейших компаний), 5 сил конкуренции *М. Портера* и др. Экспортная ситуация России к текущему моменту мозаична и неустойчива, подвержена влиянию разнонаправленных трендов. Перестановки в рейтингах экспортеров – 200 следуют одна за другой, но без значимых структурных сдвигов.

Однако и в этой малоподвижной сфере кое-что меняется. Аналитики «Эксперта» фиксируют феномен возрождения малого и среднего бизнеса (МСБ) в ранге экспортеров. Список растет (50 тысяч), но, увы, за счет малых, а не средних фирм. Они уверенно присутствуют в таможенной статистике и информационном пространстве. Им помогают ассоциация малых и средних экспортеров и региональные центры поддержки экспорта, в том числе и в Ярославле. Федеральная поддержка весомая. Нефинансовое содействие им оказывает ВТБ и другие институты развития. Но, к сожалению, у этого сегмента экспортеров мало «историй» (case study), поучительных для всего бизнеса [Фельдман, 2018]. Плюсы и минусы отечественного МСБ отчетливо просматриваются в Ярославской области [Актуальные вопросы ... , 2018]. К этой констатации добавим и личные наблюдения. Боязнь быть младшим партнером

крупного бизнеса-экспортера еще не преодолена. Вторая слабость происходит из скромного опыта продвижения своих изделий и услуг на незнакомые, новые рынки. К великому сожалению, ярославские предприятия не являются более флагманами российской индустрии и экспорта.

Однако, по крупным экспортерам ситуация, за редкими исключениями, существенно не меняется. Видимо, назрели перемены во внешнеторговой политике. Некоторые из них обозначены в докладе НИУ ВШЭ. Экспортная ориентация должна быть *многомерной*, в том числе и для *средних* компаний. Эффективность импортозамещения из года в год снижается. Поэтому назрели предпосылки для конкуренции на внешних рынках. Немалыми шансами обладает *продукция АПК* с диверсификацией и интенсификацией поставок [Структурная политика ... , 2019, с. 15-18, 20].

Россия слабо смотрится в статистике мировой внешней торговли (см. табл. 2). По итогам 2018 года доля российского экспорта менее даже символических 3 % (критерий узнаваемости), она (доля) приближается к позиции Франции; в международной таблице о рангах – «среднее государство с глобальной ответственностью». Российский импорт существенно упал вследствие атипичного кризиса 2014-2016 гг. и санкций США, ЕС, Японии и др. Информация к размышлению.

Таблица 2.

Место России в статистике мировой внешней торговли

Мировой экспорт		Мировой импорт	
Страна	%	Страна	%
1. Китай	12,9	1. США	13,3
2. США	8,6	2. Китай	10,9
3. Германия	8,0	3. Германия	6,6
7. Франция	2,9	6. Франция	3,4
14. Россия	2,3	21. Россия	1,3

Источник: Данные МВФ, ВТО

Мировые гиганты США и АТР пока недостижимы для российских ТНК по набору ключевых параметров (капитализация, выручка, чистая прибыль, персонал и др.). Предпочтительно их сравнивать по конкурентоспособности с европейскими корпорациями; с некоторыми из них налажено плодотворное сотрудничество. Полезная информация о деятельности ТНК содержится в рейтингах «FT» и «Forbs», хотя там присутствует мотив парада, смотра сил, медийный компонент. Рейтинги свидетельствуют об отраслевых сдвигах, географии притока и оттока капитала, конечных точках движения прибыли. Они же воспринимаются как предвестники зарождающихся трендов (позитивных или негативных сигналов) в нынешней эволюции глобализации. Так, возврат капитала в страну базирования (решортинг) означает на деле не только и не столько инструмент геополитики, сколько источник и рычаг *реиндустриализации* [Кондратьев, 2017]. Воспользуемся этими концептуальными показателями.

Французская Total и китайская CNPC участвуют в реализации проекта Ямал – СПГ. Более того, поставки сжиженного газа из России в Европу неожиданно стали значительными конкурентами США, а построенные впрок терминалы простаивают. Компенсационные задачи взамен выбывающих из эксплуатации месторождений нефти, газа и сырья решают российские ТНК в Африке, Венесуэле и на Ближнем Востоке. Эти инвестиции России за рубежом еще пока эпизодические, но уже критически важные. Ведущие автофирмы ЕС создают в России заводы с высокой степенью локализации в рамках специальных инвестиционных контрактов (СПИК). К ним присоединяются автопроизводители из Китая. Относительно легко адаптируются к российским реалиям европейские фирмы в пищевой индустрии. Процесс диверсификации экспорта и привлечения прямых иностранных инвестиций не имеет пространственных и временных границ.

Региональная промышленная политика

Экономическая наука и практика обогатили палитру (меню) инструментов региональной политики. Кумулятивным эффектом обладает *конгломерация* (рыночное сращивание предприятий и фирм с транспортной доступностью и численностью населения более 1 млн человек, с ядром и периферией). Менее сложное *экономико-территориальное образование*, именуемое *кластером*, пустило корни во многих регионах и получило права гражданства (субъектности). Кла-

стер представляет собой промежуточное звено между тесным рынком и начальной ступенью интеграции хозяйствующих субъектов в пространстве *мини-региона*. Власти привлекают инвесторов льготами «территории опережающего развития» (ТОР), таковые появляются и в европейской части России, например, на территории Ярославской области (Тутаев и Гаврилов Ям). Размещение в депрессивных регионах *амбициозных* проектов (с инвестициями на миллиарды рублей) на порядок оживляют деловую активность.

Таблица 3.

Объем инвестиций в основной капитал по отдельным регионам России

Регионы-лидеры по объему инвестиций			Регионы, показавшие наибольший и наименьший рост в 2018 году		
Субъекты РФ и автономные округа	млн руб.	Прирост в % к 2017 г.	Субъекты РФ и автономные округа	млн руб.	Прирост в % к 2017 г.
Москва	2429320,4	15,3	Республика Адыгея	31577,5	42,5
Ямало-Ненецкий авт. округ	1024427,0	5,5	Еврейская авт. область	16821,1	40,9
Ханты-Мансийский авт. округ – Югра	922087,7	3,4	Республика Крым	296018,7	34,1
Московская область	897800,6	22,7	Республика Хакасия	32558,9	33,1
Санкт-Петербург	747406,7	4,3	Астраханская область	106674,2	–36,9
Республика Татарстан	629731,0	–3,5	Ростовская область	252850,2	–23,6

Источник: Росстат

Исследовательской коллектив НИУ ВШЭ изучил пространственную карту (атлас) России с точки зрения совпадения (совмещения) и различия *отраслевой* специализации и *кластерного* развития. Картина, как предполагалось, получилась разноречивая. Ученые выделили 4 ситуации: А) *Активная* политика с резервами масштабирования (20 субъектов федерации, в их числе Вологодская область). Б) *Нефокусируемая* промышленная политика (20 субъектов федерации, включая Тверскую и Костромскую области). В) *Рискованная* политика (7 субъектов федерации). Г) *Отсутствие* промышленной политики (34 субъекта федерации, в том числе, среди прочих названы Владимирская, Ивановская и Ярославская области). Безусловными лидерами кластерного развития на протяжении многих лет остаются Москва, Санкт-Петербург, Татарстан и Московская область. Эти же регионы являются лидерами по объему инвестиций в основной капитал (см. табл. 3). Кластеры подразделяются на: а) пилотные, инновационные, б) лидеры с инвестиционной привлекательностью мирового значения, в) кластеры в процессе становления [Куценко, 2019, с. 70, 79, 81, 85-86].

Авторский обзор промышленной политики России, видимо, не свободен от субъективизма и лояльности к федеральной власти. Нас привлекает *панорамное видение* в среднесрочной перспективе, а не

критика очевидных слабостей, неудач и даже провалов. Наш умеренный и взвешенный оптимизм отражен в послании. Может быть, в недалеком будущем новые (неназванные сегодня) регионы проявят себя в статусе драйверов ускорения.

Послесловие

Промышленность России инкорпорирована в мирохозяйственные связи, которые подвергаются изменениям с неясным исходом. США противятся распаду однополярного мира через брутальный (эгоистичный) неопротекционизм, но коллективные усилия сторонников полицентризма еще пока не могут переломить негативные тенденции в нынешнем миропорядке. Санкции Запада против России исчерпывают свою силу, но российская экономика и гражданское общество устали от их постоянного присутствия. Лимит на кризисные ситуации, к которым так или иначе «привязывают» Россию, находится у критической черты. Необходимы, если не устойчивые компромиссы по конфликтам, то, по крайней мере, их «замораживание». Такой внешний (санкционный) фон *ограничивает* финансовые ресурсы государства и подталкивает к тесному *сотрудничеству с бизнесом*, то есть предвидится новая фаза (стадия, период) государственно-частного партнерства (ГЧП) по национальным проектам.

Новые явления в социально-экономическом ландшафте России

должны быть взвешенно учтены властью и оппозицией. Запасы нефти близки к истощению, а прирост добычи и экспорта возможен по прорывным технологиям в Африке и в дальнем Зарубежье [Богданов, 2018]. Лидерство государства в России надлежит разумно укреплять из-за императива *геополитики* – контроль государства за базовыми отраслями, ключевыми рынками, с учетом новых принципов и правил глобальной конкуренции [Крутиков, 2019]. Соответственно большая приватизация, видимо, будет отодвинута на более благоприятные сроки не только по соображениям конъюнктуры, но и геополитики. «Узкие места» в промышленности России обусловлены хроническим (застойным) отставанием *инфраструктуры* по хранению и переработке продукции от ввода в эксплуатацию природных ресурсов (земли, воды, леса, рыба и морепродукты, овощи и фрукты и др.). Без достойной инфраструктуры АПК самые правильные пожелания опережающего роста промышленности обернутся высокими трансформационными издержками (ТФИ) без ожидаемой отдачи.

Российский бизнес не отличается способностью к *риску* и *самокритике*. Эта «детская болезнь» присуща богатым, отказывающимся

вкладывать свои накопления (легитимные и не очень) в реальные проекты любой спецификации. Они предпочитают расходовать (покупать) товары премиум качества, драгоценности, антиквариат, показную недвижимость. Бизнес уводит свои капиталы в наличность (кэш), а подает как увеличение прибыли [Структурная политика ... , 2019]. Имеются и серьезные нарекания к власти (федеральной и региональной). Ссылки бизнеса на инвестиционный климат, потребительский спрос, процентные ставки обоснованы. Но верно и то, что бизнес *ждет* (а не действует) потока бюджетных денег (из ФНБ и бюджета национальных проектов). В порядке эксперимента можно было бы проверить целесообразность *проектной эмиссии* с использованием счетов *эскроу* (аналог задествован в ипотеке). Благожелательного отношения к себе заслуживают и госкорпорации, курирующие прорывные технологии. Феномен «фронтара», то есть постепенного освоения территорий, знаком по экономической истории США. Почему бы не апробировать российскую версию «фронтара» с привлечением коренных жителей и мигрантов? Сказанное в статье – это приглашение к размышлениям и действиям.

Библиографический список

1. Актуальные вопросы разработки экспортной стратегии региона : коллективная монография. Ярославль : ЯрГУ, 2018. 238 с.

2. Афонцев С. А. Новые тенденции в развитии мировой экономики // МЭ и МО. 2019. № 5. С. 36-46.
3. Бетелин В. России необходим отказ от «экономики услуг» и переход к экономике промышленного производства // Экономист. 2019. № 2. С. 3-12.
4. Богданов А. Л. Опережающие индикаторы – инструменты экономического прогнозирования // Экон. науки совр. России. 2018. № 2. С. 35-53.
5. Газовый рынок Европы: утраченные иллюзии и робкие надежды. Москва : НИУ ВШЭ, 2015. 85 с.
6. Гладков И. С. Мировая товарная торговля в 2018 г.: перемены в группе лидеров (успехи и неудачи). Власть. 2109. № 2. С. 88-92.
7. Глазьев С. Большое евразийское партнерство как форма становления нового мирохозяйственного уклада / С. Глазьев, С. Глазьева // Экономист. 2019. № 7. С. 3-27.
8. Кондратьев В. Решортинг как форма индустриализации // МЭ и МО. 2017. № 9. С. 54-65.
9. Крутиков Л. В. Контуры нового миропорядка: изменения принципов и правил конкуренции за энергетические ресурсы. Власть. 2019. № 3. С. 28-33.
10. Куценко Е. С. Фокусированная региональная промышленная политика без отраслевой специализации / Е. С. Куценко, В. А. Абашкин, Е. А. Исланкина // Вопросы экономики. 2019. № 5. С. 65-89.
11. Министерство экономического развития РФ. Картина экономики. Январь 2019. Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depMasro/2019120201>. (Дата обращения: 20.02.2020)
12. Мау В. А. Национальные цели и модели экономического роста: новое в социально-экономической политике России // Вопросы экономики. 2019. № 3. С. 5-28.
13. Миронов В. В. О диагностике текущего состояния российской экономики и перспективах ее роста // Вопросы экономики. 2019. № 2. С. 5-35.
14. Николаева Е. Е. Развитие высокотехнологичной обрабатывающей промышленности как государственная задача. Экономист. 2019. № 7. С. 54-64.
15. Структурная политика в России: новые условия и возможная повестка. Доклад НИУ ВШЭ // Вопросы экономики. 2019. № 6. С. 5-28.
16. Фельдман, В. Десять тезисов о стратегии – 2024 // Экономист. 2018. № 12. С. 3-5.

Bibliograficheskij spisok

1. Aktual'nye voprosy razrabotki jeksportnoj strategii regiona : kollektivnaja monografija. Jaroslavl' : JarGU, 2018. 238 s.
2. Afoncev S. A. Novye tendencii v razvitii mirovoj jekonomiki // MJe i MO. 2019. № 5. S. 36-46.
3. Betelin V. Rossii neobhodim otkaz ot «jekonomiki uslug» i perehod k jekonomike promyshlennogo proizvodstva // Jekonomist. 2019. № 2. S. 3-12.
4. Bogdanov A. L. Operezhajushhie indikatory – instrumenty jekonomicheskogo prognozirovaniya // Jekon. nauki sovr. Rossii. 2018. № 2. S. 35-53.

5. Gazovyy rynek Evropy: utrachennye illjuzii i robkie nadezhdy. Moskva : NIU VShJe, 2015. 85 s.
6. Gladkov I. S. Mirovaja tovarnaja trgovlja v 2018 g.: peremeny v gruppe liderov (uspehi i neudachi). Vlast'. 2109. № 2. S. 88-92.
7. Glaz'ev S. Bol'shoe evrazijskoe partnerstvo kak forma stanovlenija novogo mirohozjajstvennogo uklada / S. Glaz'ev, S. Glaz'eva // Jekonomist. 2019. № 7. S. 3-27.
8. Kondrat'ev V. Reshorting kak forma industrializacii // MJe i MO. 2017. № 9. S. 54-65.
9. Krutikov L. V. Kontury novogo miroporjadka: izmenenija principov i pravil konkurencii za jenergeticheskie resursy. Vlast'. 2019. № 3. S. 28-33.
10. Kucenko E. S. Fokusirovannaja regional'naja promyshlennaja politika bez otraslevoj specializacii / E. S. Kucenko, V. A. Abashkin, E. A. Islankina // Voprosy jekonomiki. 2019. № 5. S. 65-89.
11. Ministerstvo jekonomicheskogo razvitija RF. Kartina jekonomiki. Janvar' 2019. Rezhim dostupa: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depMacro/2019120201>. (Data obrashhenija: 20.02.2020)
12. Mau V. A. Nacional'nye celi i modeli jekonomicheskogo rosta: novoe v social'no-jekonomicheskoy politike Rossii // Voprosy jekonomiki. 2019. № 3. S. 5-28.
13. Mironov V. V. O diagnostike tekushhego sostojanija rossijskoj jekonomiki i perspektivah ee rosta // Voprosy jekonomiki. 2019. № 2. S. 5-35.
14. Nikolaeva E. E. Razvitie vysokotehnologichnoj obrabatyvajushhej promyshlennosti kak gosudarstvennaja zadacha. Jekonomist. 2019. № 7. S. 54-64.
15. Strukturnaja politika v Rossii: novye uslovija i vozmozhnaja povestka. Doklad NIU VShJe // Voprosy jekonomiki. 2019. № 6. S. 5-28.
16. Fel'dman, V. Desjat' tezisov o strategii – 2024 // Jekonomist. 2018. № 12. S. 3-5.